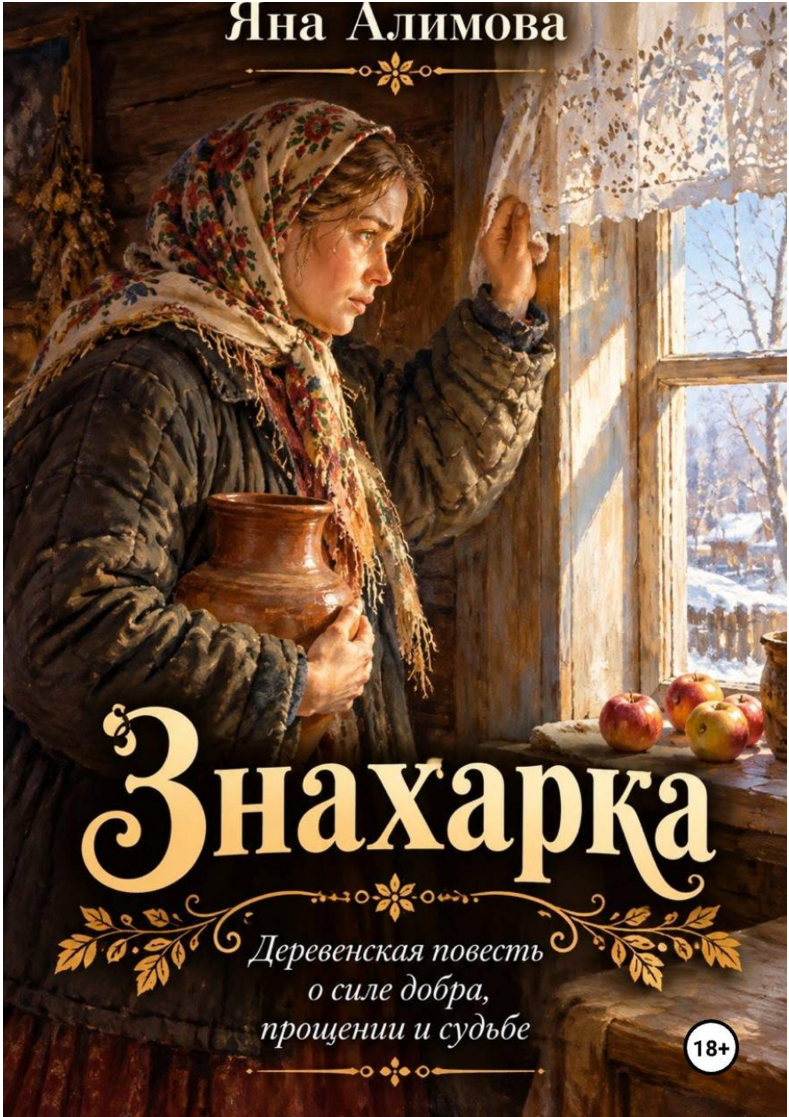

Яна Алимова
Знахарка
Деревенская повесть
о силе добра,
прощении и судьбе
18+

Яна Алимова
Знахарка

https://litres.ru/74703403
SelfPub; 2026

Аннотация

Весной, когда голод заставляет людей забывать о совести, пятнадцатилетнюю Дусю продают за харчи. Вместо юности и надежды её ждут унижения, тяжёлый труд и жизнь в доме жестокого человека. Девушке удается сбежать в лес, где она молит Бога о легкой смерти. Но судьба распоряжается иначе: встреча со старой знахаркой становится началом совершенно новой жизни.

Старушка открывает Дусе тайны целительства, передаёт свои знания и предупреждает: дар этот потребует высокой платы. Годы спустя к Дусе будут приходить за помощью со всех окрестных деревень, и она никому не откажет. Но однажды на пороге её дома появится человек, причинивший ей страшное зло. Теперь он сам будет молить о спасении.

Сможет ли знахарка помочь тому, кого когда-то всем сердцем возненавидела?

Это история о жестокости и милосердии, предательстве и любви, одиночестве и настоящем семейном тепле. О женщине, которая, несмотря на всё пережитое, сумела сохранить доброе сердце и прожить долгую жизнь, наполненную смыслом.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Яна Алимова
Знахарка

Оглавление

Глава 1

В тот год весна пришла поздно, будто боялась ступать по истерзанной земле, заглядывать в пустые кладовые. Люди ждали первой травы, хоть супа из крапивы сварить. Голод свирепствовала в деревне Белозерово, расположившейся вдоль речки, прижавшейся к склону, будто от страха.

Прохор Разгуляев каждое утро просыпался с одной и той же мыслью и с ней же ложился. Чем сегодня кормить детей. А было их в хате десять душ, самая старшая Евдокия. Да и той вот только-только исполнилось шестнадцать.

Несмотря на жуткий изнуряющей голод, девка была красивой: толстая коса пшеничного цвета колосилась так, будто и не было постоянного недоедания, огромные синие глаза блестели от голода лихорадочным блеском, делая Дусю еще красивее, будто углем прорисованные тонкие брови извивались на лбу.

«Выросла за зиму Дуська, — думал отец, — вытянуласе вона как… замуж бы яе отдать. Да какой жа дурень чичас свадьбу играть станеть?»

Но такой дурень нашелся.

Демьян Попов, да не дурень вовсе, а зажиточный мужик. В феврале, в лютый мороз, он схоронил свою жену Аксинью, та сгорела за несколько дней от неизвестной болезни, оставив троих ребятишек сиротами.

Известное дело: без отца ребятенок полсироты, а без матери — полная.

Демьян, как полагается,справил сороковины по жене, и принялся себе новую приглядывать да мать осиротевшим ребятам.

Любая бы за него пошла, только помани, но сорокалетний Демьян хотел только ее, Разгуляеву Евдокию. Давно приметил — еще Аксинья жива была.

Абсолютно уверенный в том, что Прохор ему ни за что не откажет, нагрузил полную телегу харчей и поехал в дом будущего тестя.

Зашел в хату как к себе домой, в шубе из лисьего меха, в сапогах сафьяновых, в шапке, надвинутой низко на лоб, перекрестился на образа и молвил по-хозяйски:

— Прохор, выдь-ко, опростай телегу-то. Мука тама, масла бадейка, бараньи ребрышки, сало, крупа, холстинка.

Прохор подхватился, сунул ноги в худые валенки, не веря своим глазам и ушам. А за воротами и правда коняга стоит, с ноги на ногу переминается, а телега полна добром — настоящим богатством.

Демьян вслед за мужиком вышел и подгоняет:

— Давай, давай! Прошка, че там? Да на черта нам энти свадьбы-то, у нас не до гулянок нонче. Дочку твою прямо чичас и заберу, наряжу как барыню, накормлю досыта. И вы, глядишь, севодни хочь сытые уснете. Евдокию, значыть, Дуську твою возьму за жену. Понял ты мене аль нет?

Отдашь? — и взглянул брезгливо и грозно на суетливо бегающего мужика, поймал за рубаху, да треснула тут же она на нем, такая ветхая была.

— Да ничаво, у мене тама и холстинка есть. Всем хватить рубахи справить: и табе и робяткам вашим. Ну че кажешь? Чавой замолк-то?

— Да чавой балакать-то? Ишть ня вишь, таскаю усе у хату. Забирай Дуську, коль надумал. Тока севодни думал: заседелась у девках она.

Евдокия, с гулко стучащим сердечком, стояла в своей светелке на коленях и истово молила Бога, чтобы «тятенька ня отдавал мене энтому старику».

Да, видно, плохо молила, или не услышал Бог прошения девичьего.

— Дуська, слышь-ко, — ворвалась мать в комнату старшей дочери, — а ну-ко давай-ко собери узелок! С Демьяном Поповым уедешь к яму. Ня до свадеб нонча. Настануть времена попроше, так и будеть табе свадебка.

Евдокия кивнула безропотно, понимая, что стала товаром, за который дали не так уж и мало. Вон сколь батька натаскал в сени! Глаза у братавьев и сестричек, стоявших в ряд и наблюдавших за тем, как тятенька носил в дом богатство, горели лихорадочным огнем. Руки матери тряслись от предвкушения скорой настоящей еды.

— Ступай быстро. Он табе чичас покормя, — подтолкнула мать дочь.

Она покорно уложила в узелок гребешок, который батька ей лет десять назад подарил, ленту красную тех же времен да шкатулку бабкину, которую та ей подарила перед смертью, наказав хранить вечно и передать своей внучке. Вот и все добро. Хотела еще юбку взять, да мать не дала, выдернула из рук со злостью и прошипела:

— Ишь ты, ишшо богатой не стала, а ужо жадничашь! Нет ба матери подсобить, так ты последнее хапаешь. Пошто она табе? Станешь таперича как барыня ходить в шелках покойнай жены евонной.

Дуся кивнула и шагнула за порог, а там Демьян прищурился и общупал всю липким взглядом.

Хотелось ему прямо здесь же, прямо сейчас содрать с девки все ее тряпье и поиметь сладострастно.

«Ну да ладно, потерплю, — решил мужик. — Писят ден терпел и ишшо стерплю полчаса».

— А энто чавой за тряпка ишшо? — глянул злобно на Дусин узелок. — Мене ишшо говна из вашава курятника ня хватало!

С этими словами выхватил из рук Дуси узелок, что прижимала она крепко к груди, и выкинул на черный растаявший снег.

Дуся хотела кинуться и поднять, но не решилась. Зато решилась мать. Теперь уж гребень да шкатулка кому-то из младших сестер отойдут.

Демьян подтолкнул Дусю к телеге, усадил, сел сам и зычно

крикнул:

— А ну пошла, родимыя, шибче!

Лошадь лениво тронулась с места и пошла тихим шагом, отклонив голову в сторону. Демьян в нетерпении хлестнул кнутом, заматерился, и лошадь двинулась быстрее.

Дуся вся сжалась, понимая, что, не ровен час, и на ее спине тот же кнут окажется. Не верила она Демьяну Попову: слишком дурные слухи ходили об этом богатее по деревне. И те, кто посмелее, даже высказывались о том, что не выдержала Аксинья крутого нрава мужа своего да и померла.

…В огромной хате Демьян сразу потащил Дусю в опочивальню, там содрал с нее ветхую одежонку, как и хотел, грубо повалил девку на кровать, приговаривая:

— Писят ден, писят ден.

Дуся не кричала, не отбивалась, не плакала. Что ж поделать, раз так вышло. Года два назад она слышала, как соседская Наталья рассказывала своей подружке, как это больно и противно. Это от любимого, а уж ей от Демьяна и подавно.

Сделав свое дело, мужик успокоился, обмяк, перевернулся на спину и захрапел. Голодная Евдокия, став за пару минут бабой, не смела двинуться с места до самого утра. Между ног жутко саднило, из глаз покатились слезы, а мысли по-прежнему были о еде: «Как жа так, ведь обещалсе… обещалсе жа… иде ж еда-то?»

А утром Демьян открыл глаза и рыкнул:

— Ты чавой тут, дура набитая? А ну пшла вон. Табе рази

мытьсе ня научили? Особливо опосля энтого дела? Да куды ж вам? Рвань подзаборныя. Смрад от табе как от лошади. Не! Шибче дажа! Я свою Ладушку мою. А ты ж, поди, и ня помнишь, када у баню ходила.

Это правда — баню батька топил раз в месяц. Дуся мылась самой последней.

Между тем Демьян продолжил:

— Жить будяшь у каморке под лестницею, усю работу по дому делать, какую велю, и к мене сюды ходить, када кликну. И штоб чистая была завсегда. Ну чавой встала как корова дойная? Пшла, казал. И мойсе кажный день, а ня то у сарае жить будешь.

Евдокия опомнилась и опрометью кинулась вон из спальни.

— А ну стой, — окрикнул он. — Мене будяшь барином кликать, а чичас завтрак наладь, детей накорми. Голодныя со вчерась. Да сначала у баню сходи, — снова скривился мужик.

Евдокия кивнула. Услышав про завтрак, она забыла обо всем на свете. Сейчас она поест. Хорошо поест, вкусно.

Глава 2

…Так потекли дни. Евдокия была сыта, чему безмерно радовалась. Демьян дал ей простую, чистую, но не новую одежду. Она не принадлежала его жене, а, скорее всего, была куплена на ярмарке за копейки или за кусок сала.

Дети Демьяна остались совершенно равнодушны к появлению Евдокии. Она не трогала их, и они ее тоже.

Работы, как и в любом деревенском доме, было много. Дуся выполняла ее безропотно: готовила, топила печь, стирала, работала на огороде, по ночам кланялась хозяину, как было велено, и шла в его постель, когда звал.

Он овладевал ею всегда грубо как ненасытный зверь да не по одному разу за ночь. После того, как дело было сделано, всегда прогонял одними и теми же словами: «Пшла вон, надоела — спасу нет».

В деревне поговаривали, что Демьян с ума сошел: нашел себе девку-ребенка, да еще и с нищеты взял. А он только усмехался и молчал.

Бабка Катя, потрясая своей клюкой, как-то даже принялась Прохору высказывать:

— Бисов ты сын, Прошка, и жена твоя Анька оттудава жа, из адова огня! Девку отдали энтому. На растерзанию.

Да только Прохор схватил кочергу и пригрозил бабке:

— А ну пшла отседава! Без табе някак нама ня прожить

да ня разобратьсе ково куды.

Бабка Катя, тихонько матерясь и жалея девку Дусю, пошла до своей хаты.

Летом, когда травы поднялись выше колена, Евдокия, боясь услышать отказ, впервые за все время несмело попросилась выйти со двора: в лес за грибами, за ягодой. Демьян не хотел пускать, но потом махнул рукой:

— Иди ж ужо, тока щей вперед повари.

Она взяла корзинку, подвязала подол и пошла. Сначала шла быстро, будто боялась, что передумает Демьян и не отпустит, но когда зашла в глухую чащу и поняла — вот она, свобода, то пошла медленно, наслаждаясь лесом и вдыхая ароматы зелени, ягод, грибов и еще чего-то невозможно приятного. Запахи свободы.

Лес был полон света: тихого, рассеянного — того, что нежно просачивается сквозь листву, ложится на плечи, как шаль, и больше греет душу, чем кожу. Под ногами мягко пружинил мох, меж деревьев полз туман, будто сама земля выдыхала. В этих местах не было ничего человеческого, и потому не было боли. Только тишина, дикая, бережная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.